

ПИСЬМА К ОСТРОВСКОМУ В. И. РОДИСЛАВСКОГО И И. М. КОНДРАТЬЕВА*

Обзор Т. М. Ельницкой

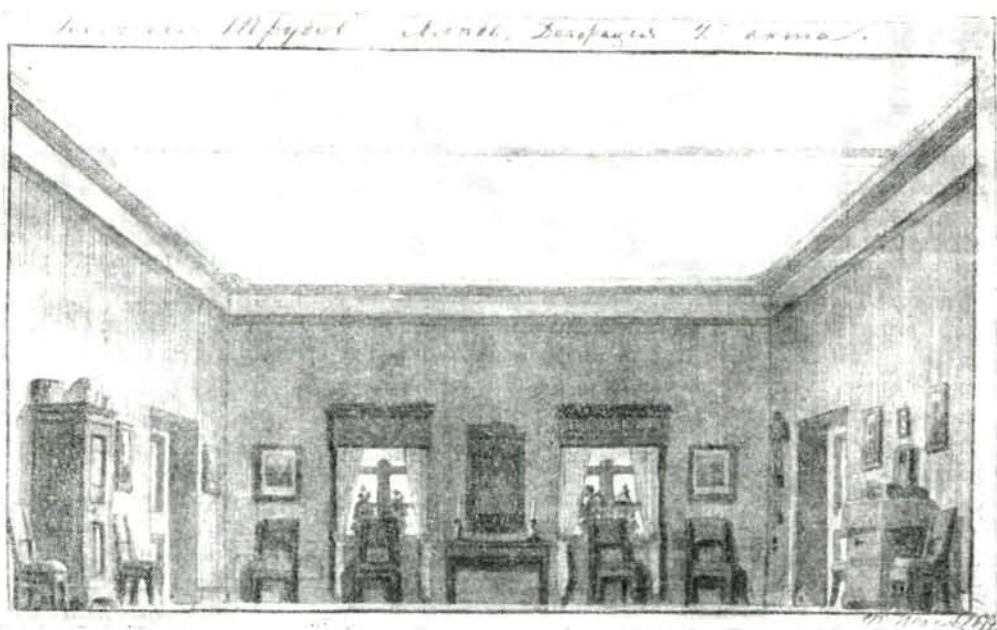
Письма к Островскому Владимира Ивановича Родиславского (1828—1885) и Ивана Максимовича Кондратьева (ум. 1924), хранящиеся в ГЦТМ, посвящены делам Общества русских драматических писателей и интересны живыми подробностями о деятельности Островского как организатора и руководителя этого первого в России объединения драматургов. Автор и переводчик драматических сочинений Родиславский был одним из учредителей Общества, членом его Комитета и секретарем до 1884 г. Кондратьев, ставший в 1876 г. письмоводителем Общества, в 1884 г. сменил Родиславского в выборной должности секретаря. Фактически он исполнял секретарские обязанности раньше, так как Родиславский был тяжело болен с 1880 г.

122 письма Родиславского относятся к 1870—1884 гг., 115 писем Кондратьева — к 1876—1886 гг. Письма этих корреспондентов Островского известны недостаточно и публиковались лишь в отрывках. Полнее других опубликовано письмо Родиславского о представлении «Снегурочки» в Малом театре («Дневники и письма», стр. 221—222). Некоторые письма Родиславского и Кондратьева использованы в примечаниях к изданиям писем Островского и в работах, посвященных Обществу русских драматических писателей. Из-за трудного почерка Родиславского ссылки обычно даются на те его письма, которые написаны рукой Кондратьева. А. А. Гольдман в своей книге «А. Н. Островский — председатель Общества драматических писателей» (М., изд. ВТО, 1948) указывает на письма Родиславского и Кондратьева, принадлежащие Театральному музею, как на один из источников, послуживших для его работы. В книге впервые опубликованы полностью 5 писем Островского к Родиславскому и 18 писем к Кондратьеву. В связи с ними Гольдман упоминает о содержании нескольких писем Кондратьева 1883 и 1884 гг. (стр. 96—97).

В конце 60-х годов Родиславский был управляющим канцелярией московского генерал-губернатора. Служебное положение дало ему возможность заручиться санкцией генерал-губернатора В. А. Долгорукова и выступить инициатором организационной встречи драматургов. Первое из писем Родиславского к Островскому 24 ноября 1870 г. указывает место и время этого собрания и определяет его задачи: «По вашему доброму обещанию, — писал Родиславский, — имею честь просить вас пожаловать в воскресенье 29 сего ноября в час пополудни на Сретенку, в дом Щепкиных в №№ Ушакова, в контору журнала «Беседа» для переговоров об ограждении интересов драматических писателей». Назревший вопрос о защите авторских прав драматургов требовал своего разрешения. К этому времени Островским была написана статья «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России» (1863) и «Записка об авторских правах драматических писателей» (1869).

В «Русском вестнике» за 1870 г. (№ 8) появилась статья Родиславского «Об авторских правах на сценические произведения», в которой была впервые предложена идея организации Общества, призванного охранять права драматургов. По свидетельству П. О. Морозова, в написании этой статьи принимал участие Островский. Отношения драматических писателей с императорскими театрами определялись до начала 80-х го-

* В ГЦТМ, в фонде Островского, письма Кондратьева: ед. хр. 886—999; письма Родиславского: ед. хр. 2055—2168, его приписки к письмам Кондратьева: ед. хр. 887—889, 891. В тексте статьи в скобках указываются инвентарные номера недатированных писем.



ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ IV ДЕЙСТВИЯ К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ «ТРУДОВОЙ ХЛЕБ»

Акварель П. А. Псакова

Малый театр, 1874 г.

Центральный театральный музей, Москва

дов устаревшим «Положением» 1827 г., по которому нормы оплаты были недостаточны и во многом зависели от произвола театральной дирекции.

На частные сцены «Положение» 1827 г. не распространялось, и театральные антрепренеры пользовались, по словам Островского, «обширным даровым репертуаром». Островский считал, что именно поэтому антрепренеры не заботятся о тщательном исполнении пьес и их упрочении на сцене. «Отсутствие в нашем законодательстве положений, охраняющих драматическую собственность, с одной стороны, задерживая драматическую производительность, отвлекая умственные силы к другим отраслям литературы, а с другой — развивая небрежное и неуважительное отношение к искусству, служит главной причиной упадка сценического искусства в России», — утверждал Островский в «Записке об авторских правах драматических писателей» (XII, 50).

В «Уложении о наказаниях» существовала статья, воспрещавшая исполнение драматических сочинений без согласия автора, но отсутствие законов об авторском праве мешало ее применению. Основываясь на этой статье, «Собрание русских драматических писателей» (такое название носило возникшее объединение до утверждения устава Общества) решило объявить всем содержателям частных театров и организаторам клубов и кружков, дающим публичные и платные представления, о запрещении исполнять оригинальные и переводные пьесы членов Собрания без согласия авторов или их уполномоченных. Охранять авторские права членов Собрания был уполномочен Родиславский. Для защиты интересов драматургов в Петербурге и провинциальных городах была учреждена местная агентура.

Заявление драматических писателей — членов Собрания — появилось в газетах в декабре 1870 г., после чего начались переговоры с театрами и клубами. Одними из первых организаций, которым Собрание предложило платить за представления пьес его членов, были Немецкий клуб и Артистический кружок. В письме 12 января 1871 г. Родиславский просит Островского договориться с Немецким клубом об условиях выплаты авторского гонорара, а в письмах, относящихся к весне 1871 г., сообщает о ходе переговоров с Артистическим кружком. Тон писем Родиславского по адресу кружка

крайне резок: «Сегодня я был у обер-полицеймейстера, и он не советует мириться, а начинать прямо процесс, говоря, что нечего жалеть тех, кто ворует чужую собственность<...> Отступать не следует, общее мнение за нас, получим еще согласие от Харькова и Саратова и, если мы отступим перед Кружком, все пойдет к черту» (№ 68401). Островскому были одинаково близки интересы Собрания и Артистического кружка и ему, видимо, пришлось, с одной стороны, сдерживать рвение Родиславского, с другой — убеждать старшин кружка не доводить дело до суда. 23 апреля 1871 г. Островский сообщил Бурдину, что Собрание уже заключило условия со многими театрами, «из некоторых мест уже начали поступать деньги и афиши; упрямится только Артистический кружок, но и с ним, кажется, сладим и дело до суда не дойдет» (XIV, 204).

В начале мая Родиславский настоятельно просил Островского позаботиться о том, чтобы на общем собрании кружка, где должен был решиться вопрос о вознаграждении драматургов, присутствовали члены кружка, способные «руководить этим панурговым стадом, а то старшины, пожалуй, какое-нибудь колено выкинут» (№ 68365). Однако после собрания кружка, состоявшегося 8 мая, Островский от того же Родиславского узнал, что кружок «баллотировкою в общем собрании членов согласился платить по два рубля акт и уже за два спектакля заплатил» (№ 68362).

Отношения Собрания с театрами складывались не так легко, как это казалось поначалу. Многие антрепренеры продолжали давать спектакли, не уплачивая авторского гонорара. В начале лета 1871 г. в письме, адресованном в Щелыково, Родиславский сообщал: «Киевский театр, несмотря на просьбу мою губернатору, продолжает безданно, беспощинно играть наши пьесы и Тифлисский тоже» (№ 68420).

В конце лета Родиславский писал: «Дела нашего общества идут, как говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону; постоянными нашими плательщиками летом были Валяно (из Ростова-на-Дону) и Сервье (из Саратова). С остальными шла только переписка. Губернаторы, которым я подавал прошения, все ответили, что это не их дело, кроме Коцебу, который сделал надлежащее распоряжение, но несмотря на это в Одессе играют наши пьесы» (№ 68426). В 1872 г. Собрание впервые обратилось к помощи суда. Первое дело было возбуждено против содержателя балагана в Петербурге Малафеева, поставившего «Русскую свадьбу» П. П. Сухонина без разрешения автора. 28 августа 1872 г. Родиславский информировал Островского: «Слава богу, дела наши идут недурно. Приговор петербургского окружного суда по делу нашего члена Сухонина, осудивший Малафеева на 2 месяца в тюрьму, хорошо подействовал. У меня был Цейдлер и обязался платить по 1 руб. за акт с Вильны.<...> но он поставил условие, чтобы Вильне было разрешено представление «Василисы Мелентьевой», что я, пользуясь вашим согласием, и обещал ему. Поэтому сделайте одолжение, вышлите как можно скорее ваши собственноручные разрешения играть эту пьесу в Вильне, Нижнем и Рыбинске (отдельно для каждого города, Нижний и Рыбинск уже платят нам деньги).<...> Пожалуйста, высылайте скорее разрешения на «Василису Мелентьеву», а то долгое их неполучение может вредно повлиять на антрепренеров, и они, пожалуй, взбунтуются, как взбунтовался Киев, который за июнь заплатил, а за июль отказался».

«Василиса Мелентьева», запрещенная для провинциальной сцены из боязни, что она может быть трактована как антимонархическая, дозволялась в виде исключения с разрешения автора и по особому ходатайству губернаторов. Таким образом, эта пьеса Островского и Гedeонова стала для Собрания своеобразной мерой поощрения антрепренеров. Просьбы к Островскому прислать разрешения на представления «Василисы Мелентьевой» встречаются в письмах Родиславского и Кондратьева множество раз. «Податель сего содержатель Смоленского театра г. Тургенев,— писал, например, Родиславский в 1872 г.,— аккуратно платящий нам за представления наших пьес, непременно желает дать вашу «Василису Мелентьеву». Так как по записке вашей ему не позволяют играть ее, то он нарочно приехал в Москву, чтобы получить от вас формальное дозволение и чтоб вы телеграфировали об этом в Главное управление и смоленскому губернатору» (№ 68406).

31 марта 1873 г. Родиславский писал: «Будьте так добры, пришлите мне дозволение играть в г. Владимире вашу «Василису Мелентьеву». Вы скажете, что это ни к че-

му не послужит, что пьеса запрещена вообще для всех провинциальных театров, но вы все-таки приплетите, ибо содержатель Владимирского театра, заручившись вашим дозволением, надеется выхлопотать себе дозволение играть эту пьесу, а без вашего дозволения нельзя. Он наш верный и хороший данник».

13 апреля 1874 г. Родиславский предупреждал: «Сию минуту получил письмо от М. В. Литвиной, которая просит дозволения дать «Василису Мелентьеву» в свой бенефис в Киеве. Я отвечаю ей, что так как Киев нам не покоряется, прав наших не признает и денег нам не платит, то и нельзя дать разрешения на эту пьесу в Киеве. Если она сама или через кн. Е. П. Урусова обратится к вам с этою просьбою, сделайте одолжение не давайте; надо же и Киев покорить, а дозволением «Мелентьевой» все дело испортится».

В следующем письме Родиславский сообщал: «Киев нам покорился, и одним из неперемненных условий мира ваше разрешение на «Мелентьеву» (№ 68439).

Заявленное драматургами право на получение гонорара за сценическое исполнение их произведений встретило упорное сопротивление антрепренеров. 15 сентября 1873 г. Родиславский писал: «Я теперь веду процессы против половины русских театров и потому меня беспрестанно таскают к судебному следователю». В связи с одним из судебных дел возникла дискуссия в печати. В № 66 «Судебного вестника» 27 марта 1874 г. появилась статья «Право литературной собственности на драматические произведения», написанная по поводу состоявшегося в Екатеринославе в феврале 1874 г. судебного процесса по обвинению антрепренера Ю. Д. Медведовой в постановке без разрешения А. А. Потехина его пьесы «Мишура». Автор статьи М. Гольденвейзер считал, что пьеса является собственностью автора только до ее напечатания, что для постановки напечатанной пьесы разрешение автора не нужно, а необходимость платить авторский гонорар за представления пьес относится по «Положению» 1827 г. только к императорской сцене и на провинциальные театры не распространяется. Естественно, что статья Гольденвейзера встревожила руководителей Собрания. По-видимому, предполагалось, что с ответом должен выступить Островский, но 6 апреля 1874 г. он в письме к Родиславскому отказывался от написания статьи, так как считал, что для этого надо быть «довольно сильным юристом». Островский предлагал обратиться к какому-нибудь известному адвокату с просьбой разобрать статью «Судебного вестника» с юридической стороны, с тем, чтобы литературную обработку разбора Собрание взяло на себя (XV, 34). Отклика на предложение Островского нет в письмах Родиславского, но уже после него следуют настоятельные просьбы к Островскому выступить с ответом «Судебному вестнику». 13 апреля Родиславский писал: «В. Н. Капнеров затерял № 66 «Судебного вестника». Что делать? Не можете ли вы достать его где-нибудь для себя, чтобы написать обещанную статью, а я постараюсь прислать вам его из Петербурга, если найду там». В следующем письме он спрашивал: «Что ваша статья о «Судебном вестнике»? Жду ее с нетерпением» (№ 68439). В письме, относящемся, по-видимому, к маю, адресованном в Щелыково, Родиславский снова напоминал: «Обещанной вами статьи по поводу рассуждений Гольденвейзера я до сих пор от вас не получал, да и ни в какой газете ее не видал, а между тем она была бы чрезвычайно нужна. Наш харьковский агент пишет, что по поводу ее Харьков бунтует, так что он справиться не может, да и не один Харьков статья Гольденвейзера с толку сбила. Будьте так добры, ради общего блага, кончите вашу статью поскорее и напечатайте, чем премного нас всех обяжете и принесете большую пользу нашему общему делу» (№ 68416). Статью, названную им «Мишура в «Судебном вестнике», Островский не закончил. Черновик ее, в котором устанавливается различие между литературной и драматической собственностью, опубликован в упоминавшейся книге Гольдмана. 10 августа 1874 г. Родиславский, очевидно, в ответ на полученное им от Островского сообщение, писал: «очень жалею, что статья о Гольденвейзере отняла у вас так много времени; о Гольденвейзере уже были наши статьи». Однако ответ «Судебному вестнику» уже не был нужен — не только по этой причине, но главным образом потому, что к этому времени был утвержден устав Общества, и авторское право драматургов получило официальное признание. Разработанный Островским устав Общества был еще в апреле 1874 г. представлен на утверждение в Министерство внутренних дел. Прохождение устава по бюрократи-

ческим инстанциям и его утверждение заняли больше трех лет, в течение которых судьба устава была предметом постоянных забот Островского. Это подробно выясняется из переписки его с Бурдиным, которую дополняют в этом смысле письма Родиславского 1871—1874 гг.

Устав был утвержден 30 июля 1874 г. Родиславский известил Островского об утверждении устава телеграммой, посланной в Щелыково. 10 августа он писал об этом в патетических выражениях: «После многолетних ожиданий прилетел наш утвержденный Устав, словно вспыхнул огонек, возпевающий о падении Трои. Как Агамемнон известил родину о падении Пергама по телеграфу, устроенному из костров, так и я поспешил известить вас об утверждении устава по электрическому телеграфу». Здесь же Родиславский писал, что он не будет созывать общего собрания до возвращения Островского в Москву, что надеется поздравить его председателем Общества и желает, чтобы Островскому особенно удалась его новая пьеса, «ведь она, я надеюсь, пойдет в первый спектакль Общества русских драматических писателей <...> не разрушайте моей любимой мечты открыть наши спектакли новою неигранною пьесой нашего первого современного драматурга».

Первое общее собрание состоялось 21 октября 1874 г. Островский был единогласно избран председателем Общества русских драматических писателей и оставался бессменно на этом посту до конца жизни, будучи переизбран 11 раз. Со времени возникновения Собрания Островский руководил организацией драматургов почти 16 лет.

Деятельность его в Обществе была практическим осуществлением обоснованного им права драматургов на материальное обеспечение их труда. В Уставе, выработанном Островским, перед Обществом ставились также более широкие задачи в развитии русского драматического искусства. Намечалось издание пьес членов Общества, создание театральной библиотеки, выпуск журнала, проведение литературных вечеров, конкурсов на драматические произведения, создание образцового театра, участие Общества в организации преподавания театрального искусства. Однако основным направлением деятельности Общества и после утверждения Устава оставалось дальнейшее упрочение авторских прав драматических писателей и расширение круга театров, признавших эти права. Летом 1875 г. Родиславский успешно выступил на съезде юристов, о чем сообщал Островскому 19 июня: «Вы, вероятно, читали в газетах о моем предложении на съезде юристов об определении размера гражданской ответственности за нарушение драматической собственности? Оно заслужило общее сочувствие и было принято большинством 244 голосов против 5». В ответном письме Островский просил прислать ему газетную статью, в которой было описано интересовавшее его заседание*.

Деятельность Общества расширялась. В 1875 г. в его состав были приняты оперные композиторы. Разросшееся делопроизводство вызывало необходимость в письмоводителе, и Родиславский выбрал себе в помощники Кондратьева, служившего вместе с ним в канцелярии генерал-губернатора. Для ведения судебных дел была учреждена должность поверенного, которая замещалась видными юристами. В числе текущих дел, о которых Родиславский сообщал Островскому, были новые явления в деятельности Общества. В связи с литографированием пьес, начатым в 1875 г., в письмах Родиславского встречаются сведения об отношениях Общества с издателями и о литографировании пьес Островского — «Последняя жертва», «На пороге к делу» и «Добрый барин».

* Следует отметить, что в Полн. собр. соч. Островского дата письма Родиславского, используемого в комментарии, указана неверно — 13 июля (XV, 228). Оно не могло быть написано в июле, так как, объясняя, почему он лишен возможности приехать в Щелыково, Родиславский писал: «Не дольше как вчера просился у князя (В. А. Долгорукова) в Саратов, куда меня вызывают по авторским делам на 30 июня и 7 июля, он никак не пускает, ибо приезд короля шведского и затем нашего государя, он уверяет, требует моего пребывания в Москве». Ответное письмо Островского, при его публикации в сб. «А. Н. Островский» (1923), имело дату — 28 июня. В Полн. собр. соч. оно отнесено к 28 июля. Возможно, что дата письма Островского пересмотрена в связи с неверной датировкой письма Родиславского.



В. И. РОДИСЛАВСКИЙ

Фотография, 1880-е гг.

Центральный театральный музей, Москва

В письмах упоминаются также объявленные Обществом конкурсы на лучшую пьесу и сбор средств на Грибоедовскую премию.

В марте 1880 г. Родиславский тяжело заболел и хотя он после этого возвратился к делам Общества, его участие в них было значительно менее активным, а в 1884 г. прекратилось совсем.

Как выясняется из писем Родиславского, он искал сотрудничества с Островским не только в делах Общества, но и в области литературной. В июле 1872 г. умер П. М. Садовский, и в июльском номере «Русского вестника» появилась статья о нем

Родиславского. 2 сентября Родиславский, по-видимому, в ответ на какой-то отклик Островского на эту статью, писал ему: «Ваши замечания на мой некролог Садовского почту за честь для себя и по поводу их я бы просил вас о нижеследующем: по просьбе П. И. Бартенева я готовлю для «Русского архива» 2-ое исправленное и дополненное издание этого некролога. Не сообщите ли ваши замечания (только поскорее) ко мне; я их поместил бы при 2-м издании моей брошюры в «Архиве», в какой угодно будет вам форме; исправил бы по ним мою статью, сказав, что этими исправлениями обязан вам или приложил бы их отдельно к моей статье».

Ответ Островского на это предложение неизвестен; второе издание статьи Родиславского о Садовском осуществлена не была. Интересна другая неудавшаяся попытка Родиславского вступить в соавторство с Островским. Сведения о ней содержатся в одной фразе письма Родиславского 19 июня 1875 г.: «В настоящее время занимаюсь изучением материалов для истории Сумарокова с Салтыковым, но боюсь, что служба, а главное громадная и сложная переписка по Обществу нашему, не дадут мне времени написать задуманную нами пьесу, а если напишу что, тотчас пришлю на Вашу обещанную и желаемую мною переделку». Очевидно, сюжетом задуманной, но неосуществленной пьесы, должен был служить конфликт А. П. Сумарокова с преследовавшим его московским главнокомандующим П. С. Салтыковым. Трагическое письмо о нем Сумарокова к Екатерине II было опубликовано в «Библиографических записках» в 1858 г. и, как выясняется из письма Родиславского, заинтересовало Островского как драматический сюжет.

Отношение Островского к Родиславскому было двойственным. Он отдавал должное энергии, проявленной Родиславским в создании Общества и ведении его дел. Ценил знания Родиславского в области авторского права, он привлек его в качестве сотрудника, когда в 1871 г. готовил записку о драматической собственности для комиссии, выработывавшей новое положение о вознаграждении драматургов. Островский придавал большое значение авторитету, который Родиславский как деятель Общества приобрел среди театральных антрепренеров, и нашел нужным в 1880 г. в печати опровергнуть слухи о серьезности его болезни. В то же время Островского часто раздражал тон писем Родиславского. Проявляя неоправданное усердие, Родиславский отправил из Петербурга два подробных письма и телеграмму о том, что Островскому следует послать поздравление певцу О. А. Петрову, кибелей которого отмечался в апреле 1876 г. Островский 22 апреля иронизировал по этому поводу: «...зачем было троекратное напоминание об одном и том же! Довольно было и одного. Разве я когда-нибудь у вас из повиновения выходил!» (XV, 65). 2 июня 1876 г. Родиславский в телеграмме просил о разрешении играть в Павловске переведенную Островским «Семью преступника». Телеграмма не была вызвана необходимостью, так как Родиславский был уполномочен давать позволения на представления пьес членов Общества, разрешенных цензурой. На бланке полученной телеграммы Островский написал: «Москва. Дом генерал-губернатора Родиславскому. Семью преступника играть в Павловске позволяю. Разрешайте все сами моим именем, не спрашивая меня. А. Островский» (см. настоящ. кн., стр. 202).

16 ноября 1875 г. Родиславский спрашивал: «Как вы поживаете в Питере? Я думаю, что так завеселились, что и забыли о нас? А все-таки считаю долгом сообщить вам кое-что о делах Общества». В ответном письме 18 ноября Островский не скрывает недовольства тоном Родиславского. В своей отповеди ему он пишет, что работает по 18 и более часов в сутки — «Вот как я веселюсь в Петербурге».

В письме к брату Михаилу Николаевичу Островский писал 9 сентября 1885 г., характеризуя свою деятельность в Обществе драматических писателей, что честь учреждения и процветания Общества приписывается Родиславскому, в то время как «все кабинетные работы, начиная с устава» производил он сам; «Родиславский, будучи секретарем, не умел толково составить даже и протоколов общих собраний и писал их все до одного я. Я руководил не только комитетом, но и канцелярскими делами и все бумаги посерьезнее писал сам; а Родиславский не столько дело делал, сколько интриговал и писал каверзы, которые тоже предупреждал и улаживал я» (XVI, 197). Островский писал это в угнетенном состоянии духа, огорченный тем, что его желание при-

нять деятельное участие в руководстве московскими театрами встречало все новые препятствия. Поэтому он несколько односторонне оценивает участие Родиславского в делах Общества, которое требовало не одних только «кабинетных работ». Однако письма Родиславского обнаруживают справедливость суждений Островского и по поводу протоколов, которые ему приходилось писать самому, и по поводу склонности Родиславского к кляузам.

В письмах о переговорах с открывшимся в 1872 г. Народным театром на Политехнической выставке Родиславский настраивал Островского против руководителей Народного театра, обвиняя их в том, что они пытаются договариваться об оплате своих спектаклей непосредственно с авторами, сознательно обходя Собрание. Независимо от того, кто в этом деле был прав, письма Родиславского производят неприятное впечатление. 23 июня 1876 г. Родиславский жаловался Островскому на Н. Е. Вильде, который должен был отдать гонорар за Артистический кружок, но приходившему за ним Кондратьеву не отдал и даже «обошелся с нашим И. М. Кондратьевым весьма неделикатно, так что Кондратьев, несмотря на всю свою деликатность, обиделся и принес мне жалобу». В досаде на Вильде и Родиславского Островский писал 1 августа 1876 г. М. П. Садовскому: «Я не понимаю, как достает духу оскорбить Ивана Максимовича, деликатнейшего человека. Посмотрите, какую историю затеет Родиславский в общем собрании нашего Общества в октябре! Он уже заручился большинством петербургских членов, заручится и в Москве, и я, несмотря на все свои усилия, останусь с своим мнением в меньшинстве, а он, пользуясь заявлением Кондратьева об обиде, сотворит кружку пакость» (XV, 69).

Как выясняется из переписки Островского и Кондратьева, Родиславский в конце жизни сам напирязенно относился к Кондратьеву и жалобами на него досаждал Островскому. Островский в письме к Бурдину 26 марта 1880 г. аттестовал Кондратьева как «письмоводителя, который знает и понимает наше дело до последней тонкости» (XV, 170—171). Письма Кондратьева носят деловой характер и не противоречат этому отзыву. Большая их часть — короткие служебные записки, посланные Островскому по московскому адресу. Они касаются назначаемых или отмененных заседаний, бумаг, посланных Островскому или получаемых от него, иногда в них содержатся упоминания о текущих делах, требующих срочного согласования с Островским; в некоторых случаях это извещения о причитающемся ему авторском гонораре и т. п. Значительно богаче информацией письма, адресованные в Петербург и в Щелыково. В письмах 6 и 18 марта 1884 г., во время пребывания Островского в Петербурге, Кондратьев посвящал его в подробности конфликта с антрепренером Картавовым, который отказывался платить Обществу авторский гонорар, так как вступил в непосредственное соглашение с переводчиками оперетт, исполнявшихся его труппой в Петербурге. В числе переводчиков были В. А. Крылов и другие члены Общества, нарушившие таким образом его устав. Кондратьев просил Островского, чтобы он вызвал к себе Картавова и объявил ему «о могущих быть последствиях для него по претензии Общества». Возмущенный поведением Крылова, Островский 20 марта отвечал Кондратьеву: «Крылова я напугал удалением из Общества, и он с своей стороны поехал пугать Картавова» (XVI, 106). Упоминания о том, что Крылов пытался получить особую плату с антрепренера Сетова и с администрации театра в Красном селе, встречаются в более ранних письмах Кондратьева 15 июня и 4 августа 1883 г. Основное содержание писем, адресованных в Щелыково, составляют описания летних сезонов в Москве; в них Кондратьев характеризует главным образом материальный успех театров, в котором было заинтересовано Общество. 27 июля 1880 г. Кондратьев сообщал со слов В. Н. Андреева-Бурлака о размерах готовившегося к открытию театра Малкиеля, который будет «не более Солодовникова как по числу мест, так и по количеству сбора», о делах М. В. Лентовского, опера которого приносит убыток, а оперетта дает полные сборы, о плохом положении театра в саду Тиволи («играют, как говорится, из-за хлеба на квас»), о возбуждении Обществом судебного дела против содержателя Семейного сада. 22 августа Кондратьев писал, что иск к Семейному саду удовлетворен, Лентовский открывает театр-буфф в доме Солодовникова, а театр Тиволи в Сокольниках совсем прогорел. 29 мая 1881 г. Кондратьев извещал, что у Лентовского в Эрмитаже предполагаются гастроли М. Г. Са-

виной и И. П. Киселевского и пойдут пьесы Островского. В следующем письме 27 июня он перечислял спектакли, в которых играла Савина и участвовали, кроме Киселевского, К. Н. Рыбаков и О. О. Садовская. «У Лентовского постоянно много публики и потому нельзя сказать, чтобы Савина делала особенные сборы. Лентовский снял театр в Петербурге — Аркадию, где будут даваться оперетты, и Нижний, — где будут идти драматические спектакли. Кроме того, Лентовский предполагает снять театр в Харькове, так как Медведев более там содержать театра не будет (говорит, что у него было — все оставит в Москве)». Дела П. М. Медведева в Семейном саду, как писал Кондратьев, были очень плохи. На вопрос Островского — правда ли, что разрешен театр Бренко, Кондратьев отвечал, что в Петербурге Бренко было обещано разрешение театра на 10 лет, а по возвращении в Москву она получила извещение от Конторы императорских театров, что ей разрешено содержать театр 2 года на прежних условиях, т. е. с уплатой в Контору части сбора. В подробном письме 12 июля 1882 г. Кондратьев перечислял московские летние антрепризы и, характеризуя их положение, отмечал, что по Эрмитажу — дела блестящие, там в Фантастическом театре идут украинские оперетты и водевили на русском языке. В Семейном саду играет труппа, управляемая Ф. А. Коршем, В. А. Андреевым-Бурлаком, М. И. Писаревым и др. — дела ее поправляются. В театре Петровского парка положение Бренко, улучшившееся было с приглашением Г. Н. Федотовой на несколько спектаклей, опять плохое, и Бренко отстранена от театра. Артистический кружок «находится в жалком положении»; предполагается описать его имущества за долги, и из Семейного сада кружок ночью перебрался в театр Петровского парка к Бренко, куда перевез декорации и имущество. «Бренко обязалась предоставить два вечера членам, а теперь, вследствие отстранения ее от дел, и кружок остался на мели, ни зимнего, ни летнего помещения у него нет». 15 июня 1883 г. Кондратьев писал, что театральные дела в Москве плохи и Фантастический театр Лентовского не делает сборов; 13 июля извещал, что дела у Лентовского стали лучше, а «спектакли в других местах Москвы очень редки». На плохое положение летних театральных дел Кондратьев жаловался и в следующем году — 8 июня 1884 г. 17 августа этого года он сообщал Островскому: «Корш открыл свой театр вашею пьесой «Доходное место» при полном сборе. Пьеса исполнена превосходно. В понедельник 20-го пьеса эта будет повторена, а во вторник пойдут «Бешеные деньги». Дела Лентовского по случаю дождей и холода незавидные». В 1885 г. сборы у Лентовского были «даже хуже прошлого года», как писал Кондратьев 16 июля. Он объяснил это конкуренцией трупп: «Приехал Сетов и открыл спектакли в театре Петровского парка с участием Зориной и Давыдова. Главное же отбивает у Лентовского много публики — это Зоологический сад, где бывает публики иногда более 10 тысяч. Дела в последнем блестящие, только жаль, что Обществу приходится получать очень мало. У Александрова, содержателя сада, явились свои переводы и сочинения разных феерий». 14 сентября Кондратьев жаловался Островскому, что Частная опера Кроткова прибегла к такому же способу избавиться от платы Обществу. «Я, конечно, подсаживал на подобную экономию при дефиците <театра> 400 т. руб., но дело это их, т. е. Кроткова и Мамонтова. Жаль только несчастных певцов, которые должны были переучивать партию».

Кондратьев подробно информировал Островского, во время его пребывания в Щелыкове, о судебных делах Общества и положении в агентуре. Так, в 1880 г. он сообщал об осуждении Ковенской уголовной палатой антрепренера Иванова, прозванного актерами палачом. В 1881 г. — о решении Красноярского окружного суда по начатому еще в 1876 г. делу о представлении без разрешения Общества пьесы «На узелки». Антрепренер Федоров был приговорен к содержанию в тюрьме на 2 месяца, «артистам и артисткам, принимавшим участие в пьесе, сделан выговор и внушение, чтобы они были на будущее время осторожнее и не играли в тех пьесах, которые не разрешены Обществом к представлению, а о полицеймейстере, подписавшем афишу, сообщено на усмотрение начальника Енисейской губернии. Всем досталось». В 1882 г. Кондратьев писал о положении дел в Николаеве, Одессе и Кишиневе, где побывал поверенный Общества, о том, что в Николаеве и Витебске агенты растратили деньги, полученные от театров. В 1883 г. Кондратьев сообщал об одесском агенте Общества, обвиняемом в

растрате чужих денег и подделке векселей, он скрылся за границу и за ним пропало 1000 рублей, которые он должен был Обществу. Кондратьев исполнял поручения Островского, связанные с делами Общества и не имевшие отношения к ним. Так, в 1877 г. Кондратьев подробно сообщал в ряде писем о своих переговорах по поводу квартиры в доме Голицына, которую собирался снять Островский. В декабре 1880 г. он посылал Островскому сведения о числе гостиниц и меблированных комнат в Москве, а также о количестве ежедневно приезжающих по железным дорогам. Сведения понадобились Островскому потому, что он готовил записку об организации театра в связи с предстоящей выставкой 1882 г.

Пересказать в коротком описании содержание всех обильных информацией писем Родиславского и Кондратьева невозможно, так же как невозможно предусмотреть, в какой связи детали этих писем могут понадобиться исследователям. Несомненно, что историки литературы и театра еще много раз будут обращаться к письмам этих деятелей Общества драматических писателей, в частности, для комментирования писем Островского. Для доказательства того, что не все возможности в этом смысле исчерпаны, может быть приведен комментарий в Полном собрании сочинений Островского по поводу одной фразы из его письма к Бурдину 10 августа 1876 г.: «О красносельском театре я уже написал Родиславскому в Москву» (XV, 70). На стр. 510 дается следующее объяснение этого текста: «О красносельском театре — О передаче здания красносельского театра под театр ОРДП. Передача не состоялась». Письмо Бурдина, в котором он спрашивал Островского о красносельском театре, и упоминаемое Островским его письмо к Родиславскому не сохранились, но в ряде писем Родиславского и Кондратьева содержатся сведения о переговорах и переписке с красносельским театром. Красное село под Петербургом было местом летних лагерных сборов и военных учений. С середины XIX в. там существовал летний театр, находившийся в ведении штаба петербургского военного округа. В театре гастролировали артисты императорских и частных трупп. Переписка ОРДП с военной администрацией красносельского театра началась в 1876 г. Единственной ее темой был авторский гонорар, который Общество хотело получать за исполнявшиеся на сцене красносельского театра пьесы своих членов. Переговоры закончились в 1885 г. признанием прав Общества: «Военное начальство признало справедливым заплатить Обществу авторские за 1884 год и платить их впредь» («Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования». М., 1899, стр. 38). Откуда взяты сведения о передаче Обществу здания красносельского театра не указано и, кажется, что комментарий к письму Островского является результатом какого-то недоразумения.

Письма Родиславского и Кондратьева дают возможность дополнить, а иногда и уточнить представление о деятельности Общества русских драматических писателей и Островского как его председателя.